



- ²¹ The Second Account Book of John Isham // Ibid. P. 125–153.
- ²² Appendix I. The Inventory of Gregory Isham, 1558 // Ibid. P. 155–166.
- ²³ Appendix II. The Life of John Isham // Ibid. P. 167–174.
- ²⁴ В браке Юсби Ишема и Анны Паултон родились 20 детей, из которых выжили 10 – 5 сыновей – Джайлз, Роберт, Грегори, Джон и Генри – и 5 дочерей – Катерина, Элен, Элси, Эдит, Исабель (см.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 168).
- ²⁵ Ibid. P. 167–168. О проблеме взаимоотношений внешне-торговых объединений и ливрейных компаний Лондона см.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI в.). С. 204–205.
- ²⁶ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 168.
- ²⁷ Ibid. P. 169, 170. Умер Роберт в 1564 г.
- ²⁸ Грегори, Джон и Генри Ишемы не были первыми представителями этой фамилии, оказавшимися в Лондоне. В 1513 г. некий Джон Ишем, сын еще одного Джона, по наследству был допущен к свободам компании мерсеров. Джон Ишем-старший к 1513 г. стал купцом-авантюристом. Он умер в 1517 г., и фамилия Ишем не появилась в списках компании мерсеров более 10-ти лет. Возможно, что этот Джон приходился дядей Юсби Ишему.
- ²⁹ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 169.
- ³⁰ См.: The Acts of Court of the Mercer's Company, 1453–1527 / Ed. by L. Lyell and F. D. Watney. Cambridge, 1936. P. 188, 189.
- ³¹ На протяжении XV–XVI вв. представители этой фамилии играли видную роль в экономической и социополитической жизни Лондона, в частности, в 1463 г. должность столичного олдермена занимал торговец предметами роскоши Джон Лок, а в 1545–1550 гг. – Уильям Лок, также торговец предметами роскоши (см.: Beaven A. B. Aldermen of the City of London.: In 2 v. L., 1913. Vol. 2. P. 12; Reel J. V. Index to biographies of Englishmen, 1000–1485, found in dissertations and theses. L.; Westport, 1975. P. 604).
- ³² См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 169, 170.
- ³³ См.: Appendix I. The Inventory of Gregory Isham, 1558. P. 162.
- ³⁴ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 169.
- ³⁵ Известно, например, что Джон Ишем получил от отца не более 3 ф. 6 ш. 8 п.
- ³⁶ В частности, речь идет о втором бароне Мордаунте (1508–1571 гг.).
- ³⁷ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 168.
- ³⁸ Ibid. P. 169.
- ³⁹ См.: Appendix I. The Inventory of Gregory Isham, 1558. P. 160.
- ⁴⁰ Ibid. P. 162–165.
- ⁴¹ «Новыми тканями» в XVI в. называли камвольные ткани, или «уэстедские» сукна, байку и саржу. Эти ткани отличались низким качеством по сравнению с традиционным английским сукном, но их изготовление было легче и дешевле обходилось производителю. Эти сорта сукон предназначались для широких слоев покупателей, носились меньше и, следовательно, быстрее оборачивались на рынке; спрос на них был постоянным.
- ⁴² См.: The First Account Book of John Isham. P. 1–124; The Second Account Book of John Isham. P. 125–153.
- ⁴³ Четверо братьев были назначены Грегори душеприказчиками и опекунами его детей: 5-летнего сына Юсби и еще не родившейся на тот момент дочери.
- ⁴⁴ См.: Appendix II. The Life of John Isham. P. 170–171.
- ⁴⁵ Ibid. P. 168, 171.
- ⁴⁶ См.: The First Account Book of John Isham. P. 1–124; The Second Account Book of John Isham. P. 125–153.
- ⁴⁷ См.: The First Account Book of John Isham. P. 1–124.
- ⁴⁸ Ibid. P. 117–122.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid. P. 122–124.

УДК 94 (437) [14]

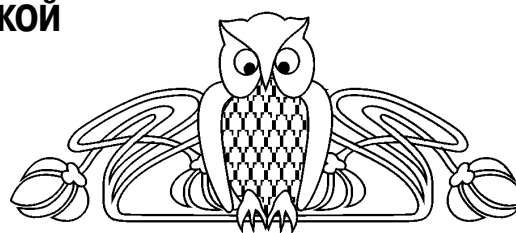
ОБРАЗ ГУСИТСКОЙ ЭПОХИ В САТИРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ С. ЧЕХА «НОВОЕ ЭПОХАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПАНА БРОУЧЕКА, НА ЭТОТ РАЗ В XV СТОЛЕТИЕ»

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: Galyaman@rambler.ru

В статье¹ рассматривается образ гуситской эпохи, нарисованный в повести чешского писателя второй половины XIX – начала XX века С. Чеха, выявляется её место в формировании исторической памяти чешского народа.

Ключевые слова: гуситское движение, С. Чех, историческая память.



The Image of Hussite's Epoch in Satirical Story by S. Czech «New Journey by Mister Brouchek in XV Century»

A.N. Galyamichев

The article describe the image of Hussite's epoch, which reflect in story by the writer S. Czech. The author discover a spot of this epoch in historical memory of Czech people.

Key words: the Hussite movement, S. Czech, historical memory.



Сатирическая повесть Сватоплука Чеха (1846–1908) «Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие», впервые увидевшая свет в 1889 г., стала ярким событием в истории чешской литературы. Однако её значение видится гораздо более широким и выходит далеко за рамки истории собственно литературы и художественного творчества.

Время, в которое довелось жить и творить Сватоплуку Чеху, было отмечено возобладанием австрославизма как ведущей политической идеологии в среде чешской интеллигенции, угасанием революционных настроений среди городской мелкой буржуазии, торжеством приспособленчества и конформизма.

В официальной исторической науке это нашло отражение в утверждении позитивистской методологии исторического исследования, для которой был характерен отказ от широких исторических обобщений, торжество фактографии, изгнание из исторических трудов нравственных оценок под флагом борьбы за превращение истории в подлинную, точную науку².

В этих условиях роль хранителя исторической памяти и воспитателя молодого поколения взяла на себя художественная литература, не перестававшая вновь и вновь обращаться к гуситской эпохе как кульминационному моменту национальной истории.

Особое место в истории чешской литературы и вместе с тем – исторической мысли чешского народа занимают романы Алоиса Ирасека «Между течениями» и «Против всех», на страницах которых история гуситского движения предстала как многокрасочное эпическое полотно, исполненное внутренним драматизмом и героикой, от которых исходят нити преемственности к событиям современности³. В том же ключе к гуситской эпохе во многих своих произведениях обращался и Сватоплук Чех (стихотворения и поэмы «Гусит на Балтике», «Адамить», «Жижка» и др.).

В своей сатирической повести С. Чех предлагает читателю взглянуть на гуситскую эпоху под несколько иным углом зрения, другими художественными средствами выявляя её центральное место в исторических судьбах чешского народа.

Повесть была написана в русле традиций очень популярного в литературе XIX в. приключенческого жанра. Она представляла собой вторую часть необыкновенных приключений пражского обывателя, домовладельца пана Броучека.

Наделённый «говорящей фамилией» (Броучек – по-чешски «жучок»), он выступает олицетворением главного недуга, поразившего, по мысли писателя, тогдашнее чешское общество – недуга бездуховности, тупой ограниченности и нравственного убожества. Пан Броучек, основным занятием которого являлось посещение пражских пивных (обладание недвижимостью обеспечивало его условиями безбедного суще-

ствования), переносится силой фантазии писателя в иные миры, где существо его характера раскрывается гораздо более отчётливо, нежели в обыденной обстановке.

Путь пана Броучека к далёким, неведомым мирам начинается от порога знаменитого пражского трактира – «Винарки» на Градчанах. Выйдя однажды за порог трактира звёздной летней ночью, он вдруг почувствовал, как волны мощного лунного света отрывают его от земли и неудержимо тянут вверх, на Луну – об этом путешествии писатель рассказал в повести «Правдивое описание путешествия пана Броучека на Луну» (1886). Некоторое время спустя, при выходе из той же «Винарки», пан Броучек неожиданно провалился в подземный ход, который по воле писателя соединял не только пространства, но и времена, и очутился в гуситской Праге.

Две повести С. Чеха представляют собой своеобразное зеркальное отражение друг друга. Если в «Путешествии на Луну» преобладает юмор, то в «Новом путешествии» преобладают сатирические мотивы: писатель прямо противопоставляет две эпохи в истории чешского народа, причём итоги этого сравнения оказываются явно не в пользу современников писателя.

Всячески подчёркивая примитивность материального быта средневековья, С. Чех на этом фоне остро ставит вопрос о нравственном состоянии общества. Для того чтобы предельно чётко обозначить различия, писатель отправляет пана Броучека в Прагу, переживавшую кульминационный момент пятнадцатилетней гуситской эпопеи, – июньские дни 1420 г., когда возглавляемые императором Сигизмундом крестоносцы со всех сторон окружили столицу мятежного королевства и уже предвкушали лёгкую и скорую победу.

Трагикомизм ситуации, в которой оказался пан Броучек, определялся тем, что завсегда «Викарки» был плохо знаком с историей собственного народа и не знал, чем закончилась осада Праги крестоносцами. Руководствуясь единственным мотивом, который был ему по-настоящему близок, – спасти свою жизнь – пан Броучек выдаёт себя то за сторонника Сигизмунда и крестоносцев, то за представителя умеренных гуситов, а в конечном счёте оказывается в стане таборитов.

Кульминацией сюжетной линии повести С. Чеха становится знаменитый бой на Витковой горе, разгоревшийся 14 июня 1420 года. В самый драматический момент боя, когда отважный предводитель таборитов Ян Жижка оказался в кольце рыцарей-крестоносцев, пан Броучек убегает с Витковой горы, оставшись в пылу отчаянного боя незамеченным. Однако после великой победы таборитов он оказывается в руках победителей, которые выносят ему смертный приговор устами самого Жижки: «Безумна мысль, что человек далёких будущих эпох может прийти к своим предкам; но даже если бы и могло случиться это



неслыханное чудо – Бог никогда не допустит, чтобы у нас были такие потомки!»⁴ По повелению таборитского гетмана Броучек был сожжён в бочке в день победы гуситов на Витковой горе.

Вернувшись в свой век и придя в себя, пан Броучек по-своему подвёл итоги своего путешествия: «Пан Броучек не имеет ничего против так называемого патриотизма, пока он остаётся в пределах разумного. Но требовать, как гуситы, чтобы человек ради патриотизма или вообще ради каких-то принципов рисковал своим имуществом или даже собственной жизнью – чистейшее безумие! Любой разумный человек только одобрит действия пана Броучека, когда он перешёл от пражан к таборитам, рассудив, что тем самым улучшил своё положение, и когда он выдавал себя за немца перед предполагаемыми немецкими крестоносцами, чтобы тем самым сохранить свою жизнь для народа. ... Если сейчас каждого поступающего таким образом помещать по гуситской методе сразу в бочку, ремесло бондарей скоро станет в Чехии одним из самых выгодных»⁵.

С. Чех постоянно и последовательно проводит мысль о том, что история, лишённая нравственных оценок, не выполняет своего главного предназначения – быть наставницей жизни, нередко иронически отзываясь о научных занятиях своих современников – профессиональных историков-исследователей⁶. С полным уважением к историческому факту и источнику (писатель точен в описании топографии средневековой Праги и её окрестностей, в изложении хода событий, в понимании своеобразия взгляда на мир человека XV в.⁷) С. Чех решает свою главную задачу (задачу писателя и историка) – предложить читателю задуматься о будущем своего народа, восстановить оборвавшуюся связь времён.

Своеобразным «моментом истины» в повести является, как мне представляется, описание утра 14 июня 1420 г. перед битвой на Витковой горе: «О солнце великого, вечно памятного дня! Ты, озарившее немногочисленное войско героев, какие наперечёт в истории человечества; ты, показавшее миру, на что способен малый народ, увлекаемый пламенным порывом, радостно приносящий достояние и самую жизнь свою на алтарь святых убеждений; ты, факел небесный, воссиявший над горой Витковой, дабы окружить главы героических предков наших ореолом бессмертной славы; о солнце, отблески которого даже столетие спустя согревают и заставляют биться сильнее ленивые сердца потомков, – сколько бы ни было огня в душе чешской, сколько бы ни было слов вдохновенных и жгущих в языке нашем, все они должны бы слиться в хвалебную оду, воспевающую твой триумфальный восход на пурпурном и золотом горящем небосклоне! Но вместе со временем изменились и люди. Ясное летнее солнце несчётное множество раз всходило над Витковой горой, как и в тот день, но никогда уже не пришлось ему озарить богатырей; и спустя столетия смотрит

оно с высоты на поколение малое, живущее без правды и силы, без вдохновения, побуждающего отдать последнюю каплю крови за дорогой идеал, на поколение, что уже не понимает великого подвига предков, не верит в него и посмеивается при рассказах о нём, как смеются над старой и странной сказкой, которую и слушать-то скучно. Неспособное на подобные жертвы и высокие порывы, оно ссылается на иные времена и нравы, запрещает говорить себе о славном прошлом и при этом сидит сложа руки или играет в бирюльки. О закатившееся солнце нашей славы, взойдётся ли ты опять над землёй, найдётся ли поэта, который сумел бы приветствовать тебя словом подлинного вдохновения, а не пустым суесловием и жалкою карикатурой, как я?»⁸

Трудно поверить в то, что эти слова выдающегося мастера художественного слова не находили отклика в умах и сердцах читателей – современников С. Чеха и их потомков: великая воспитательная сила исторической памяти вновь и вновь вставала на службу чешскому народу.

Примечания

- ¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на Третих научных чтениях памяти профессора А.И. Озолина, проходивших в Саратовском университете 6 февраля 2009 г.
- ² См.: *Историография истории южных и западных славян*. М., 1987. С. 66–72.
- ³ См.: *Востокова С.И.* Роман Алоиса Ирасека «Против всех» — эпопея гуситского революционного движения // *Учён. зап. Курск. пед. ин-та*. 1956. Вып. 5. С. 162–195.
- ⁴ *Чех С.* Путешествия пана Броучека (Правдивое описание путешествия пана Броучека на Луну. Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие). Л., 1977. С. 291.
- ⁵ Там же. С. 296.
- ⁶ На одной из страниц своей повести С. Чех, например, замечает: «Я просто описываю то, что пан Броучек своими глазами видел, своими ушами слышал, а это всё-таки во сто крат ценнее, чем выписки всех археологов и историков из старых, заплесневелых рукописей, которые либо всё врут, либо кем-то подброшены. Ежели в чём моя книга с современным уровнем развития науки расходится, пусть пан Томек et consortes в своих сочинениях поправят» (Там же. С. 131). В.В. Томек (1818–1905) являлся крупнейшим представителем, классиком чешской историографии второй половины XIX – начала XX в. В другом месте повести писатель прямо обращается к своим современникам-учёным: «Поэтому напрасно острили вы свои карандаши, господа учёные, вы, которые, если и снисходите до нас, несчастных, беллетристов чешских, то делаете это лишь затем, чтобы показать нам бездонное наше невежество. ... Кроме того, у меня есть серьёзные опасения, что ежели бы я написал что-нибудь по профессору Н., то профессор Р. тут же бы обнаружил в этом чистую бессмыслицу, и что даже то, в чём сейчас согласны все нынешние знатоки, через десять лет будет отнесено к



заблуждениям, давно осужденным, чему примеры нам всем известны» (*Чех С. Путешествия пана Броучека. С. 161*).

- ⁷ О том, насколько внимательно С. Чех следил за новинками исторической литературы, свидетельствует следующее его ироническое замечание: «Нет необходимости напоминать читателю, сколь важны эти и последующие сведения пана Броучека о быте древних чехов для истории нашей культуры. Особого внимания заслуживает лишь тот факт, что эти сообщения очевидца во многих моментах удивительно совпадают со сведениями, сообщаемыми в книге, только что оконченной печатью и, по-видимому, уже вышедшей в свет, “В старинной комнате горожанина” Зигмунда Винтера с иллюстра-

циями Гануша Швайгера (издатель Алоис Визнер), что свидетельствует об основательности работы автора. Поскольку пан Броучек, находясь в критическом положении, не мог заниматься детальными археологическими изысканиями, и потому кое-чего не заметил или не запомнил, я рекомендую вышеуказанную книгу всем, кто хотел бы более подробно познакомиться с древнечешским городским бытом» (*Чех С. Путешествия пана Броучека. С. 182*). З. Винтер (1846–1912) был крупнейшим представителем культурно-исторического направления в чешской историографии последних десятилетий XIX – начала XX в.

- ⁸ *Чех С. Путешествия пана Броучека. С. 272.*

УДК 9(410)

РОЛЬ ПУБЛИЧНЫХ ШКОЛ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ: ИТОН

Н.В. Бородавкина

Саратовский государственный университет
E-mail: tash_19@mail.ru

В статье рассматривается роль публичных школ в системе образования в Англии XIX в. Итон – одна из крупнейших и самых престижных публичных школ Англии, она была основана королем Генрихом VI в 1441 году. Многие выдающиеся английские государственные деятели получили образование в Итоне. Атмосфера этой элитной школы важна для понимания природы английского лидерства, а следовательно, и характера английской жизни. Автор исследует влияние Итона на воспитание британской политической элиты.

Ключевые слова: Викторианская эпоха, Итон, публичные школы, система образования в Англии, политическая элита Великобритании, У. Гладстон.

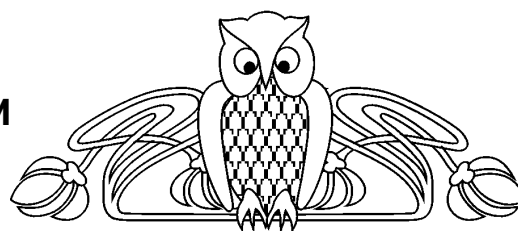
The Role of Public Schools in Social and Political Life of Victorian England: Eton College

N.V. Borodavkina

The article deals with the role of public schools in the English educational system of the XIX century. Eton College is one of the largest and highest in prestige public school in England, it was founded by Henry VI in 1441. Many outstanding English statesmen were educated in Eton College. The atmosphere of this elite school is important to understanding the nature of English leadership and consequently the character of English life. The author examines the influence of Eton College on training the British political elite.

Key words: Victorian Era, Eton College, public schools, English educational system, British political elite, W. Gladstone.

Викторианская эпоха, охватившая две последние трети XIX в., – это особый период в социально-экономической, политической и духовной жизни Англии. За эти десятилетия страна заняла лидирующие позиции в мировой экономи-



ческой и политической жизни. Управлять «владычицей морей», ставшей в результате завершения промышленного переворота еще и «мастерской мира», было делом почетным и хлопотным. Сами британцы той поры были убеждены, что решение этого вопроса во многом было обусловлено системой образования, большую роль в которой играли закрытые привилегированные учебные заведения – «публичные школы» (далее – паблик скулз).

Англией управляли преимущественно лидеры, которые получили образование в паблик скулз. Атмосфера этих элитных школ важна для понимания природы английского лидерства, а следовательно, характера английской жизни. В этой связи интересно рассмотреть самую известную привилегированную частную школу – Итон, за которой прочно закрепилось название «наставник аристократической молодежи»¹.

Судить о состоянии системы среднего школьного образования в Англии XIX в. позволяют появившиеся в то время памфлеты и брошюры, что свидетельствует о внимании общественного мнения к данной проблеме. В 1834 г., например, было опубликовано три памфлета, затрагивающих вопросы образования в Итоне. Два памфлета «Некоторые заметки о современном обучении и управлении в Итоне» и «Рассмотрение злоупотреблений в Итоне» оценили существующую систему образования весьма критично и подробно рассматривали ее недостатки и необходимость преобразований². Автор третьего памфлета – «Оправдание системы образования в Итоне и рассмотрение возможностей ее развития» – в ответ на предыдущие публикации пытался оправдать существующую систему и приводил аргументы в ее защиту, хотя при этом признавал необходи-